

ОТДѢЛЪ НЕОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

У Сибирскихъ стрѣлковъ *).

Поѣздка наша съ подарками отъ Епархіальнаго Комитета задумана была на общемъ собраніи Комитета 18 ноября. Но тогда лишь принята была мысль о посылкѣ подарковъ и ассигновано на этотъ предметъ до трехъ тысячъ рублей изъ средствъ Комитета. Члены Комитета—А. А. Поспѣлова, Л. Я. Лавровскій и о. Н. Н. Соколовъ взяли на себя трудъ заготовить подарки. Нужно думать, что свои заботы о приобрѣтеніи подарковъ они начали тогда же.

Только на собраніи Комитета 7 декабря, по единодушному желанію всѣхъ членовъ, эту честь доставить подарки на позиціи я согласился взять на себя. Черезъ два-три дня рѣшено было, что подарки отъ нашего Комитета будутъ направлены въ одинъ изъ славныхъ сибирскихъ стрѣлковыхъ полковъ. Сдѣлано было срочное сношеніе съ командиромъ полка, и къ 15 декабря отъ полка для погрузки подарковъ явились подпоручикъ В. М. Б. и классный чиновникъ В. І. Л. съ нѣсколькими нижними чинами. Попечительный В. М. взялъ на себя заботы достать намъ билеты на проѣздъ, а исхлопотать особый вагонъ для поларковъ у коменданта станціи Смоленскъ помогла намъ А. Н. Алексѣева. Губернскія власти безъ промедленія снабдили насъ пропускомъ для поѣздки на позиціи, а благословеніе Владыки послѣдовало еще раньше.

Днемъ отъѣзда назначено было 17 декабря. Наканунѣ и въ этотъ день былъ хорошій морозъ; пришлось подумать о теплой одеждѣ и взять съ собой кое-что въ запасъ. Но напрасны были эти хлопоты. Уже въ В, черезъ пять часовъ ѣзды, морозу было всего 7⁰, и чѣмъ ближе къ мѣсту расположенія полка, тѣмъ становилось теплѣе.

Какъ это ни странно,—но всего труднѣе было выбратъся изъ Смоленска. Смотрѣли въ газетѣ мѣстной расписание поѣздовъ, справлялись по телефону—отовсюду получали вѣсть, что поѣздъ долженъ пойти въ 12 час. дня. Изъ

*) Печатается съ разрѣшенія военной цензуры.

боязни опоздать являемся на вокзалъ за полчаса до отхода поѣзда. Заль перваго класса биткомъ набить пассажирами. Здѣсь же и наши спутники В. М. Б. и В. І. Л. Снова наводимъ справки о времени отхода поѣзда. Утѣшительнаго мало: поѣздъ придетъ не раньше 2 часовъ, а пойдетъ чрезъ часъ послѣ прибытія. Порѣшилъ провести эти два часа у себя въ квартирѣ и не пожалѣлъ. Только въ три часа дня мы устроились въ полукупэ вагона перваго класса. Много хлопотъ выпало на долю В. М. по прицѣпкѣ къ почтовому поѣзду нашего вагона съ подарками. Эти два часа невольнаго запозданія въ этомъ случаѣ пригодились какъ нельзя лучше. Изъ чужого опыта первой поѣздки съ подарками отъ Смоленскаго Комитета мы знали, какъ важно, чтобы подарки не выпускать изъ вида, постоянно имѣть у себя передъ глазами.

Здѣсь необходимо отмѣтить, что всего въ вагонъ было погружено 107 мѣстъ съ подарками. Изъ нихъ отъ А. Н. Алексѣевой—1 ящикъ и пять тюковъ съ теплыми вещами—въ числѣ 25 шарфовъ, 140 паръ перчатокъ, 50 паръ носковъ, 90 жилетовъ, 80 кальсонъ и 80 рубашекъ. Заготовленъ Членомъ Комитета Л. Я. Лавровскимъ одинъ ящикъ съ 5000 конвертовъ и 5500 листовъ почтовой бумаги. Наканунѣ отъѣзда привезены были изъ села Рождества, Дорогобужскаго уѣзда, женой Священника Ел. Дм. Ильинской и купеческой дочерью дѣвицей Ант. Григ. Зариной два ящика и одинъ холщевой мѣшокъ со слѣдующими подарками: кисетовъ 194,—портянокъ 19 паръ, теплыхъ перчатокъ—14 паръ, теплыхъ носковъ 5 паръ, холщевыхъ рубашекъ 9 штукъ и 12 штукъ холщевыхъ кальсонъ. Членомъ Комитета о. Н. Н. Соколовымъ заготовлено было 75 мѣстъ: 1 ящикъ съ 500 экз. святыхъ Евангелій и 300 псалтирей, 4 ящика (2 п.) карамели, 1 ящикъ (3 п.) пряниковъ, 2 ящика (около 7 п.) кожи, дратвы и прочихъ сапожныхъ товаровъ,—3 корзины (150 паръ) валенокъ, 1 тюкъ (300 паръ) перчатокъ, 40 ящичковъ (50 пуд.) махорки, 1 тюкъ (10 стопъ) бумаги, 1 ящикъ съ 17 гармониками и однимъ бубномъ, 20 ящичковъ (20 пуд.) мыла и 1 ящикъ съ кисетами. Членомъ Комитета А. А. Поспѣловой сдано для подарковъ: 268 теплыхъ рубашекъ, 240 теплыхъ кальсонъ, 430 холщевыхъ рубашекъ, 160 холщевыхъ

кальсонъ, 135 паръ вязенокъ, 5 паръ напульсниковъ, 216 носковъ (изъ нихъ 50 отъ Татевскаго церковно-прих. Попечительства и 50 отъ Татевской школы, Бѣльскаго уѣзда), 40 шлемовъ, 38 шарфовъ (шлемы и шарфы приготовлены ученицами епархіального училища), 330 полотенецъ, 379 паръ портянокъ, 1 пара валенокъ, 1 пара наушниковъ, 7 теплыхъ жилетовъ, 260 кисетовъ съ подарками отъ епархіального училища, 40 кисетовъ съ подарками отъ г. Бодаревой, 105 кисетовъ отъ учащихся церковныхъ школъ, 47 кисетовъ съ подарками отъ Вознесенской школы въ гор. Смоленскѣ, 1 ящикъ съ табакомъ отъ епархіального женскаго училища и отъ учащихся Дреснинской церковной школы 3 теплыхъ рубашки, 3 пары вязенокъ, 1 пара кальсонъ, 4 пары портянокъ и 23 кисета съ табакомъ. Одинъ ящикъ съ 48 кисетами былъ набранъ у ректора семинаріи—сюда вошли отъ ректора 11 изящно изданныхъ Св. Синодомъ житій святыхъ изъ серіи „Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ“ (Св. Владимира, Св. Георгія, Св. Варвары) и одна Вяземская коврижка (эти подарки переданы г. г. офицерамъ полка); кисеты были отъ слѣдующихъ лицъ: отъ матушки игуменіи Гавріилы, отъ матушки казначеи Вероники, отъ Л. И. Лавровской (6) и отъ Коли Петрова (2). Нѣкоторые изъ жертвователей въ кисеты клали письма или визитныя свои карточки: мѣра разумная—она обезпечила имъ отвѣтъ отъ славныхъ стрѣлковъ.

Осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, въ 3 часа мы стали отъѣзжать отъ Смоленска. Видно изъ окна вагона, какъ зигзагами вьется налѣво лента Днѣпра. Одинокю съ той же стороны высился колодезь-часовня на мѣстѣ кончины Св. Глѣба. Поѣздъ ускоряетъ ходъ. Минули съ правой стороны дачи въ Черномъ Бору. Въ вагонѣ и нашемъ полукупѣ очень жарко; думается, градусовъ не менѣе 20. Часы показываютъ 4. Мы на станціи Г...

На путяхъ масса снѣга, работаютъ по очисткѣ полотна отъ снѣга женщины и дѣвушки, лицъ не разобрать. Съ нами ѣдетъ капитанъ одного изъ пѣхотныхъ полковъ; сейчасъ онъ ѣдетъ въ В . . . къ женѣ и пятилѣтнему малюткѣ-сыну. ѣдетъ онъ изъ Эссентукъ. Рассказываетъ, что тамъ на благодатномъ югѣ устроено 12 санаторій для нижнихъ чиновъ

и 3 санаторія для офицеровъ. Въ одномъ изъ офицерскихъ санаторіевъ капитанъ пробылъ четыре мѣсяца, будучи отправленъ туда врачами одного изъ Московскихъ лазаретовъ. Контуженъ онъ былъ почти годъ назадъ, когда полкъ стоялъ въ Польшѣ. Въ окопахъ, на позиціяхъ, онъ перенесъ скарлатину. Не замѣтилъ даже ни самъ, ни окружающіе, что болѣеть—не до того было. Участвовалъ въ боевомъ дѣлѣ больной съ повышенной температурой. Новое раненіе получилъ въ ногу. Пришлось поступить въ лазаретъ. Началось шелушеніе послѣ скарлатины; врачи недоумѣвали; находили, что у капитана экзема на нервной почвѣ. Отъ экземы и лечили. И только въ санаторіи, послѣ подробныхъ разспросовъ—распознали, что это шелушеніе—результатъ перенесенной въ жаркіе дни боя скарлатины. Бѣдный капитанъ, недавно цвѣтушій и, можно судить, красивый, теперь какъ-то гнусавитъ; болѣзнь оставила тяжелыя послѣдствія на почкахъ; теперь уже не работникъ онъ,—питается молокомъ да растительнымъ. У него много свѣдѣній по военной исторіи. Когда подъ В . . . мы переѣзжаемъ Двину и замѣчаемъ, что рѣка еще не замерзла,—капитанъ указываетъhalb недалекъ огонекъ; тамъ у этого огонька впадаетъ въ Двину исторически извѣстная рѣка Лучеса,—на берегахъ этой рѣки въ 1812 году происходила битва съ французами. Предъ В . . . капитанъ укладываетъ вещи и нервно направляется къ выходу. „Меня,—говоритъ онъ,—никто не встрѣчаетъ“. Капитанъ пріѣзжаетъ на сутки раньше своихъ предположеній, о коихъ сообщилъ семьѣ. Въ В . . . я успѣлъ навѣстить нашъ вагонъ съ подарками, возлѣ него были нижніе чины—проводники.

Послѣ В . . . спутникомъ по купѣ оказался генераль З . . . Это очень плотный господинъ, съ большой одышкой, съ усами точно у Тараса Бульбы. Отыскивая себѣ мѣсто въ вагонѣ, генераль совсѣмъ нелестно честитъ евреевъ, даетъ убійственную характеристику г. В . . . (вороватый городъ). Привыкшій къ командованію генераль и въ вагонѣ проявляетъ свои административныя способности. Оберъ-кондуктора онъ увѣряетъ, что въ вагонѣ 1 кл. совсѣмъ мало пассажировъ съ билетами и правомъ проѣзда въ этомъ классѣ, предлагаетъ

сдѣлать провѣрку. Но въ вагонѣ такая тѣснота и давка, что кондукторъ не рѣшается слѣдовать совѣту генерала З. . . и безслѣдно исчезаетъ, не появляясь въ вагонѣ цѣлыхъ четыре часа до П. . . Въ результатѣ генеральской распорядительности въ вагонѣ становится свободнѣе, есть чѣмъ дышать. Спасибо строгому генералу. Однако мы причинили ему небольшое огорченіе, хотя это совсѣмъ не входило въ наши планы. Заботливый В. М. послѣ нашего выхода изъ вагона въ П. . . по ошибкѣ сдѣлалъ распоряженіе нижнему чину вмѣстѣ съ нашими вещами взять и чемоданъ генерала. Тщетно я предупреждалъ передъ своимъ выходомъ и генерала и В. М., чтобы не смѣшали вещей, указывалъ свои три мѣста. Генералъ былъ озабоченъ, какъ поудобнѣе уложиться на ночь, и во всемъ положился на В. М., а этотъ послѣдній, пожалуй, черезъ головы пассажировъ и не могъ разобратъ, гдѣ моихъ три мѣста, гдѣ чемоданъ генерала. Часа черезъ три только удалось исправить невольную ошибку при посредствѣ жандармскаго вахмистра.

Воинственный генералъ, узнавъ о цѣли нашей поѣздки, сталъ запугивать насъ.—„До сихъ поръ вы, батюшка, знали крещеніе водой, а теперь, пожалуй, узнаете крещеніе огнемъ. Мы старики еще съ Турецкой компаніи знаемъ это крещеніе“. На встрѣчу намъ по пути изъ В. . . на П. . . все время идутъ поѣзда съ вагонами международнаго общества; ярко освѣщены электрическимъ свѣтомъ большія окна вагоновъ. Это ѣдутъ въ ставку высшіе должностные чины съ докладами по дѣламъ государственнаго управленія. Въ такомъ поѣздѣ всего чаще три-четыре вагона.

Въ П. . . мы были около 10 ч. вечера. Предстояло переѣзжать на извозчикѣ съ одного вокзала на другой. Какъ на одномъ, такъ и на другомъ вокзалѣ—все военныя лица, все сѣрыя шинели, да изрѣдка косынка сестры милосердія. Вотъ въ тѣсномъ залѣ перваго класса,—размѣстившись на какомъ-то ящикѣ,—сидитъ сестра, судя по зеленому кресту работающая отъ сѣверо помощи; возлѣ нея подпоручикъ въ фуражкѣ, на которой противогазъ Московскаго типа. Судя по чертамъ лицъ ихъ, видишь, что это, должно быть, братъ съ

сестрой,—до такой степени ярки черты фамильнаго сходства между ними.

Достать извозчика въ П . . . было довольно трудно. Правда, въ нашемъ распоряженіи было еще около трехъ часовъ, но все же хотѣлось быть ближе къ цѣли и выбратъся изъ тѣсной накуреной залы перваго класса. Входитъ хлопотливый В. М.,—ему удалось достать двухъ извозчиковъ для переѣзда на другой вокзалъ; проѣхать надо не больше 20 минутъ, но о рублевой платѣ возницы и слышать не хотятъ. Припомнился разсказъ незабвеннаго генерала З . . . , что въ эту войну прапорщики взвинтили на все цѣны.—„У нихъ масса денегъ,—говорилъ генераль;—на позиціяхъ тратить денегъ некуда, все готовое; и вотъ появится этотъ молодой воинъ въ дни отпуска въ губернскій городъ или столицу и буквально сорить деньгами направо и налево, начиная съ носильщиковъ и извозчиковъ. Мнѣ приходилось въ Москвѣ,—продолжалъ генераль свои наблюденія,—на улицѣ просить извозчика, и я получалъ неохотный отвѣтъ „занятъ“; но стоило обратиться къ тому же „занятому“ извозчику вслѣдъ за мной идущему прапорщику—какъ отвѣтъ былъ совсѣмъ другой: „Куда прикажете?“...

Какъ бы то ни было, но къ 12 ч. мы были на другомъ П . . . вокзалѣ, исколесивъ сонный городъ по разнымъ улицамъ. Никакихъ впечатлѣній отъ этого переѣзда почти не осталось. Видно было, что городъ расположенъ на равнинѣ; ни крутыхъ подъёмовъ, ни мостовъ не попадалось. Обращали на себя вниманіе громадныя плакаты, что на улицѣ помѣщаются чайная и питательный пунктъ отъ Сѣверопомощи.

На новомъ П . . . мѣ вокзалѣ пришлось узнать, что нашъ вагонъ съ подарками еще не прибылъ, что къ почтовому поѣзду въ 2 ч. ночи его не прицѣпятъ, что надо ожидать до 9 ч. утра. Стараніями В. М. насъ отвели въ стоящій на путяхъ гдѣ-то чуть-ли не за версту отъ вокзала вагонъ второго класса; вагонъ оказался протопленнымъ, но войти въ него намъ долго не удавалось—не добудиться было проводника; всѣ энергичныя постукиванія въ дверь долго были бесплодны; думалось, что въ вагонѣ не можетъ быть живого человѣка, такъ какъ сильнѣе стучать, чѣмъ это дѣлалъ же-

лѣзнодорожный чинъ,—было невозможно. Наконецъ въ одномъ окнѣ вагона показался огонекъ; очевидно, крѣпко спавшій послѣ утомительной работы проводникъ не вынесъ постукиваній и проснулся. Онъ предлагалъ засвѣтить огонь и въ нашемъ купѣ, но всѣ мы рады были мѣсту и безъ огня улеглись спать.

Утромъ 18, убѣдившись, что вагонъ подарковъ прицѣпленъ къ нашему поѣзду, направляемся по послѣднему желѣзнодорожному для насъ пути; проѣхать надо намъ шесть станцій, на что пойдетъ три часа. Въ вагонѣ теперь исключительно военныя лица; нѣтъ даже ни одной сестры. На всѣхъ лицахъ сосредоточенность—всѣ серьезны,—говорять мало, отрывочно, шутокъ совсѣмъ не слышно. Морозъ—8°. На ст. 3 двѣ женщины въ корзинахъ продаютъ теплые бѣлые хлѣбы. Сѣрыя шинели быстро раскупили эти хлѣбы; ни разговоровъ при этомъ, ни торга, ни шутокъ. Ст. 3 . . . Громадный плакатъ съ надписью бесплатная чайная и столовая всероссійскаго Земскаго Союза; питаются и находятъ приютъ сотни лицъ. На запасныхъ путяхъ масса фуражу; цѣлый скирдь мѣшковъ съ овсомъ, прикрытъ со сторонъ брезентами;—вагоны съ прессованнымъ сѣномъ.

На ст. П . . . на запасныхъ путяхъ до двадцати открытыхъ платформъ съ готовыми санями; сложены онѣ и прямо, и наискось, и вдоль, и поперекъ; нѣсколько саней съ сидѣньемъ и задкомъ изъ искусственной рогожки—очень красивы. У станціи на открытомъ воздухѣ шесть котловъ; подъ двумя изъ нихъ костеръ. Готовятъ супъ для „копщиковъ“; это нанятые отъ мѣстнаго населенія жители роютъ окопы; сегодня ихъ ожидалось 750 человекъ, часъ былъ обѣденный, но они еще не прибыли, должно быть задержались на работѣ.

Въ часъ дня поѣздъ пришелъ на ст. С . . . Это—конечная станція въ нашемъ пути. Направляемся къ своему вагону—онъ въ концѣ поѣзда. Вскорѣ встрѣчаетъ насъ командиръ полка, въ простой сѣрой шинели, подпоясанный ремнемъ; если бы не встрѣчалъ его случайно въ Смоленскомъ Каѳедральномъ Соборѣ за всенощной, то не узнать бы было въ немъ боевого генерала В. И. Я. . . . , заслужившаго въ эту

войну орденъ Св. Георгія. Съ нимъ полковой священникъ,—заслуженный о. Протоірей Ѡ. Р. . . . Послѣ краткаго знакомства и привѣтствій В. И. дѣлаеть необходимыя распоряженія по выгрузкѣ подарковъ. Усаживаемся въ парныя сани и направляемся къ мѣсту расположенія полка. Ъхать надо добрыхъ тридцать верстъ. Вѣтра нѣтъ, тихо, морозъ небольшой. Ъхать совсѣмъ бы хорошо, но снѣгъ страшно размолоть,—онъ точно песокъ. Колеса безчисленнаго количества двуколокъ и четырехколесныхъ обозныхъ повозокъ, идущихъ впереди и позади насъ, глубоко врѣзываются въ снѣгъ, какъ въ песокъ, и ихъ не слышно такъ же, какъ и ровнаго медленнаго шага разгорѣвшихся лошадей. Слышно только, какъ звякають на ухабахъ крючья веревочныхъ постромокъ, вытягивающихся, когда колесо завязнетъ въ снѣгу. Везутъ мясо цѣлыми тушами, овесъ въ мѣшкахъ, ящики со снарядами, сѣно... Трудно сосчитать, сколько этихъ повозокъ и двуколокъ минули мы съ В. И. Мѣстность ровная; небольшая впадина, на ней мостокъ съ наскоро только что сдѣланными перилами; вдали небольшая роща; деревня въ десятокъ дворовъ,—по мѣстному названію „застѣнокъ“ И...; при въѣздѣ въ дер. С... высокій крестъ, съ прибитымъ на немъ деревяннымъ же простой работы распятіемъ—показатель, что здѣсь живетъ католическое населеніе. Въ Д... хорошъ костель; стоитъ на пригоркѣ; обнесенъ невысокой каменной оградой; невдалекѣ за нимъ обнесенное такой же оградой кладбище. Нерѣдко встрѣтишь у дороги трупъ павшей лошади; возлѣ трупа собака и стаи воронъ. Это печальное явленіе объясняется недостаткомъ рабочихъ силъ мѣстной полиціи. При въѣздѣ въ небольшой лѣсокъ встрѣчаешь сторожевое охраненіе: два нижнихъ чина, осѣдланная лошадь, горящій костеръ; тоже и при выѣздѣ; отъ одного охраненія къ другому идетъ телефонная проволока. Мы во второй линіи обороны. Проѣзжаемъ линіи проволочныхъ загражденій; лентой вьется она отъ одной господствующей высоты. Удивительна эта высота,—будто специально природа создала ее для военныхъ цѣлей: когда мы были у станціи, эта высота была позади насъ,—отъѣхали больше 15 верстъ,—та же высота налѣво отъ насъ; спрашиваю Вл. Ив., ошибаюсь ли я въ опредѣленіи этой высоты; ошибки нѣтъ; высота та

же самая, она важна въ тактическомъ отношеніи; вокругъ нея и дальше вьется лента проволочныхъ загражденій.

Около 3 часовъ дня мы подъѣхали къ деревнѣ С..., въ которой стоитъ штабъ полка, пулеметная команда и нѣкоторыя другія части 1-го сибирскаго полка. Идетъ ученье, — перебѣжки и обученіе штыковому удару: солдаты радостно привѣтствуютъ своего командира дружнымъ „здравія желаемъ“. Въ деревнѣ всего одна улица, — домовъ въ ней десятка полтора. Расположена она на пригоркѣ. Населеніе — католики литовцы, есть немного татарскихъ хатъ. По крайней мѣрѣ, та изба, къ которой мы подъѣхали, — принадлежала татарскому семейству. На дровкѣ небольшой полковой флагъ, — знакъ, что здѣсь мѣстопребываніе командира полка со штабомъ. По обычаю, при входѣ осѣняемъ себя знаменіемъ креста, но въ переднемъ углу вмѣсто иконъ планы Мекки и Медины въ рамкахъ, перевесло изъ ржаныхъ колосьевъ окружаетъ эти рамы, а рядомъ тутъ же вѣнокъ изъ колосьевъ ржи. За пологомъ въ помѣщеніи командира, — имѣется святой образъ, а у стѣны въ чехлѣ полковое знамя. Командиръ и его штабъ занимаютъ одну половину хаты — чистую, — а черезъ стѣны помѣщается семья хозяина. Оправившись съ пути, идемъ почти черезъ всю деревню въ хату офицерскаго собранія. Дворъ передъ ней установленъ елками; похоже на палисадникъ или рощицу. Здѣсь уже были старшіе чины полка въ сборѣ. По срединѣ хаты столъ, даже два — д. б. составлены; вокругъ нихъ простыя скамьи, имѣется и два стула; кругомъ стола три кровати: завѣдывающаго хозяйствомъ, ротнаго командира и завѣдывающаго обозомъ. Привѣтливости и радушію хозяевъ нѣтъ границъ. За обѣдомъ я сказалъ нѣсколько теплыхъ словъ привѣта славному сибирскому полку въ лицѣ его офицеровъ — руководителей; я говорилъ, что въ Смоленскѣ знаютъ кое-что изъ исторіи ихъ полка по тѣмъ безпримѣрнымъ подвигамъ, что проявлены были полкомъ въ сентябрѣ 1914 года у Варшавы, что объ этомъ знаетъ и вся Россія, что наше духовенство и Комитетъ, возглавляемый благостнымъ Владыкой Θεодосіемъ, шлютъ вмѣстѣ съ подарками горячія братскія пожеланія всѣмъ чинамъ полка — здоровья и боевыхъ успѣховъ. — „Уже не въ первый разъ вспоминаетъ си-

бирскихъ стрѣлковъ старый Смоленскъ, — отвѣчалъ командиръ полка: — знаки его вниманія полкъ получалъ и въ Пасхѣ — памяты полку подарки теплымъ бѣльемъ отъ Смоленскаго Комитета; отвезите, о. Ректоръ, нашу горячую благодарность Преосвященному Смоленскому, всѣмъ членамъ Комитета, всѣмъ жертвователямъ и среди нихъ А. Н. Алексѣевой, вспомнившей насъ предъ праздниками“. Полкъ въ резервѣ. Слышится далекая пушечная пальба; это наши разговариваютъ на позиціяхъ съ нѣмцами; по прямому направленію — это будетъ верстахъ въ 20. Выстрѣлы рѣдки, но слышатся съ утра и по поздній вечеръ. Мнѣ говорятъ, что это „затишье“. И знаете, съ какой стороны важно это „затишье“, этотъ отдыхъ въ резервѣ? Главнымъ образомъ съ той, что люди хотя и за рѣдкіе періоды отдыха, находясь въ резервѣ, сливаются другъ съ другомъ: офицеры съ солдатами, солдаты между собою. Особенно это важно потому, что полкъ значительно пополнился — много влито въ него новыхъ, свѣжихъ силъ. Люди новые — чужды славныхъ боевыхъ традицій полка, и на усвоеніи ими этихъ традицій идетъ время отдыха отъ боя, время усиленныхъ занятій.

А полку сибирскихъ стрѣлковъ, которому мы передали подарки отъ Смоленскаго Комитета, — есть что вспомнить изъ текущей войны. Конецъ сентября и начало октября 1914 года онъ принимаетъ участіе въ славныхъ побѣдныхъ бояхъ за Варшаву; въ томъ же октябрѣ взятіе Равы; въ ноябрѣ участіе въ бояхъ у Ловича — впереди Бзуры; декабрь 1914 года и январь 1915 г. бои у Боржимова и на Бзурѣ; въ февралѣ — бои у Прасныша (Капустникъ), въ іюлѣ страшные бои у Макова, — стрѣлки по горло въ водѣ переходили р. Оржицу; іюль и половина августа бои у Нарева (13 іюля) и рядъ тяжелыхъ арьергардныхъ боевъ до перехода на Двинскій фронтъ. И въ прошломъ за сибирскимъ стрѣлковымъ полкомъ значатся заслуги, уже отмѣченныя въ исторіи полка: на знамени полка имѣются Георгіевскія ленты за участіе въ бояхъ у Вафаньгоу, Ляояна и Сандепу въ Японскую войну.

Изъ бесѣды съ офицерами полка за столомъ мы вынесли прочное убѣжденіе, что настроеніе всѣхъ ихъ, начиная съ командира — бодрое, веселое; всѣ они вѣрятъ въ свѣтлое бу-

душее и со спокойной душой ожидаютъ грядущихъ событій. Вечернія газеты - Новое Время, Русское Слово принесли вѣсть о начавшемся наступленіи нашемъ въ Галиціи, — это извѣстіе всѣхъ искренно радуется, поднимаетъ духъ и среди нашихъ стрѣлковъ.

Уже стемнѣло, пока мы окончили трапезу—(рыбную), но намъ хотѣлось въ день пріѣзда посмотрѣть, какъ живутъ въ резервѣ нижніе чины. Тутъ же—невдалекѣ отъ избы собранія,—за огородами нѣсколько землянокъ. У входа въ землянки красивыя декораціи изъ елокъ,—выравнена мѣстность, идешь словно по улицѣ,—чистой, просторной. Проходя среди ряда елокъ — приближаемся къ двери землянки; дверь плотно закрыта. Съ фонаремъ выходитъ нижній чинъ, открываетъ дверь, почтительно козыряя начальству. Въ землянкѣ у стѣны горятъ три лампы; посрединѣ печь; немного пахнетъ дымомъ; противъ лампъ на полу землянокъ разложенъ рядъ короткихъ деревянныхъ брусевъ; на нихъ солома: три-четыре столба рядомъ поддерживаютъ деревянный же изъ отдѣльныхъ брусевъ потолокъ. Потолокъ довольно низокъ: приходится стоять согнувшись.—„Здравствуйте, славные сибирскіе стрѣлки,—сказалъ я по входѣ въ землянку:—изъ Смоленска привезъ я Вамъ братскій привѣтъ и благословеніе отъ нашего Архіерея и отъ нашего духовенства, съ привѣтомъ этимъ мнѣ поручено передать Вамъ подарки къ великому празднику,—знакъ нашей признательной любви къ вашему тяжелому служенію въ эти дни міровой войны. Мы отдаемъ себѣ отчетъ, какъ тяжела ваша служба, особенно въ окопахъ, изъ которыхъ вы только что вернулись, и намъ хочется сказать: держитесь и дальше, сибирскіе стрѣлки, грудью стойте противъ нѣмца, а мы не забудемъ васъ и впредь ни своей молитвой, ни своимъ вниманіемъ“. Въ это время доложили, что какъ разъ подарки привезены на десяти подводахъ, и командиръ полка сдѣлалъ распоряженіе, гдѣ ихъ сложить до завтра. Въ отвѣтъ на мое привѣтствіе изъ ряда стрѣлковъ слышалось выраженіе благодарности.—„Тепло-ли въ землянкахъ подъ утро? каково питаніе“?—поинтересовался я. —Раньше встанешь утромъ,—отвѣчали мнѣ,—а что до пищи, то слава Богу, всего вдоволь; уже и забыли, когда имъ

приходилось не дождать при отступлении изъ Польши. Пожелавъ стрѣлкамъ доброй ночи, мы оставили землянку.

Полкъ имѣеть баню возлѣ храма: жалобъ, чтобы обижали „жители“ (насъкомыя) среди стрѣлковъ не слышно. Однако жертву теплымъ и холщевымъ бѣльемъ принимаютъ охотно и съ благодарностью; очень трудна стирка бѣлья, хотя выдаютъ и мыла. Часто при неумѣннн взяться за это необходимое дѣло, стрѣлокъ намажетъ бѣлье мыломъ, какъ саломъ, не промоетъ хорошенько, да такъ и ходитъ; смѣну бѣлья постирать, находясь въ резервѣ, можно за 20—30 к. Чаю и сахару дается вдоволь; сахару выдаютъ 8—9 кусковъ въ сутки.

Спать насъ устроили въ собранской комнатѣ на походной кровати. Съ вечера было жарко натоплено, но къ утру стало очень свѣжо, — промерзають, очевидно, стѣны. — Всталъ въ 7 часовъ 19 декабря. — Новый годъ у нѣмцевъ. Пальба на позиціяхъ усилилась. Весь день долетаютъ до слуха отдаленные выстрѣлы. Совсѣмъ низко надъ хатой командира пролетѣлъ аэропланъ, — это былъ нашъ Ньюпоръ, летѣлъ отъ позицій; вѣроятно, съ развѣдки возвращался въ свою часть.

Въ сараѣ сложены наши ящики съ подарками. Рядомъ съ ними хозяйскія — яровая солома, сѣно — занимають половину сарая. Съ командиромъ полка и двумя офицерами направляемся въ сарай и тамъ порѣшаемъ, что изъ подарковъ выдавать на руки, а что по отдѣльнымъ полковымъ частямъ. Присутствующіе стрѣлки выражаютъ удовольствіе, когда видятъ два ящика съ сапожнымъ товаромъ. — „Это такъ намъ нужно, — заявляютъ они: — „здѣсь обувь изнашивается очень быстро, вдвое скорѣе, чѣмъ въ спокойное время, ни почистить, ни починить ее часто у насъ нѣтъ времени“. Рѣшено, что ящики съ махоркой и съ мыломъ поступятъ въ отдѣльныя роты, и тамъ уже они черезъ офицеровъ поступятъ нижнимъ чинамъ.

Смѣхъ, шутки и выраженіе удовольствія вызываетъ раскупорка ящика съ гармониками — и бубномъ. „Вотъ это какъ разъ подарокъ къ празднику; куда легче съ такимъ инструментомъ пойдетъ у насъ удалая сибирская пѣсня.“

(Окончаніе слѣдуетъ.)

У Сибирскихъ стрѣлковъ *).

(О к о н ч а н і е).

Очень кстати оказались теплыя валенки: обладатели этой обуви будутъ считать себя счастливыми въ эти холодные дни. Къ радости стрѣлковъ, командиръ сообщилъ имъ, что на станціи уже прибылъ транспортъ валенокъ въ количествѣ 750 паръ.

Уже теперь, при предварительномъ распредѣленіи подарковъ, мы имѣли возможность видѣть лица съ выраженіемъ благодарности за любовь и вниманіе къ нимъ. Подарки наши для сибирскихъ стрѣлковъ играютъ огромную роль. Они согрѣваютъ нашихъ ратниковъ сознаніемъ, что ихъ помнятъ на родинѣ, и забываютъ они всѣ горести и тяжести многихъ лишней походной жизни. Несомнѣнно, подарки наши подвигнутъ ихъ на новые, многіе подвиги.

Изъ бесѣды съ однимъ стрѣлкомъ, проведеннымъ въ кампаніи всѣ шестнадцать мѣсяцевъ, я вынесъ одно убѣжденіе. Чѣмъ дальше тянется война, чѣмъ сильнѣе чувствуется ея тяжесть,—тѣмъ сильнѣе чувствуется и отсутствіе тепла, ласки, юта домашняго очага. И это чувство—особой остроты достигаетъ въ дни передъ праздниками и въ дни самыхъ великихъ праздниковъ. Надо было видѣть, какую большую, свѣтлую радость приносить самая малая посылка съ родины. Суровый на видъ и задумчивый мой собесѣдникъ при вскрытіи кisetовъ, при раскладываніи по ротамъ подарковъ нашихъ вель себя почти какъ малый ребенокъ на елкѣ. И дѣло тутъ не только въ той пользѣ или удовольствіи, какую приносятъ подарки. Всякій подарокъ разгоняетъ это тяжелое чувство отчужденности, и такъ дорогъ нашимъ героямъ.

Въ этотъ день командиръ полка предоставилъ намъ возможность видѣть учебную стрѣльбу и—что самое интересное—работу пулеметовъ. Невдалекѣ отъ деревни лугъ, или болото, за снѣгомъ не разберешь, а по пронизывающей сырости заключаешь, что это болото скорѣе.

*) Печатается съ разрѣшенія военной цензуры.

Пулеметь—это не оружіе, а какая-то смертоносная коса,— но косить она не мягкую траву, а косить дерево, людей въ военномъ строю, и не дай Богъ попасть подъ ея ужасающее дѣйствіе.

На обратномъ пути снова посѣтили мы землянку, бесѣдовали съ нижними чинами о цѣли нашего пріѣзда, о той благодарности, какую питаетъ въ своемъ сердцѣ мирное населеніе къ войскамъ, передали низкій поклонъ отъ Смоленскаго края храбрымъ сибирскимъ стрѣлкамъ и выразили просьбу, надежду, что стрѣлки постоятъ за отчизну. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ благодарилъ за подарки и вниманіе, а при выходѣ изъ землянки моемъ и командира грянуло могучее „ура“. Былъ обѣденный часъ; разносили горячую пищу, вкусно пахло отъ котелковъ.

Вечеромъ этого дня мы направились на парѣ лошадей за 1½ версты отъ стоянки командира въ деревню О... въ храмъ, ко всенощной. Храмъ въ честь Покрова Богоматери. Наружный видъ—костельнаго типа. Правда, придѣланы два искусственныхъ купола, но видно, что это позднѣйшая прибавка; внутри храма этихъ куполовъ не видно. При входѣ въ храмъ, у западной стѣны—хоры; на нихъ ведутъ крутыя лѣстницы съ двухъ сторонъ. Очевидно, хоры—мѣсто для бывшаго органа. Внутреннее убранство храма совсѣмъ бѣдное: нѣтъ ни стѣнной живописи, ни иконъ въ рамахъ. Запрестольный образъ—напоминаетъ католическое вѣнчаніе или коронованіе Богоматери. Подъ нимъ недавняго, простого русскаго письма изображеніе Покрова Божіей Матери.

Храмъ переполненъ богомольцами. Тѣсно, еле пройти. Служба только что началась. На хорахъ помѣстился хоръ изъ стрѣлковъ; поютъ на 7 гласъ—стройно, отчетливо. Но знающій церковную службу В. И. командиръ полка, обладающій голосомъ—все же нѣсколько недоволенъ пѣніемъ: на „Нынѣ отпускаеши“ нотное регентъ дважды давалъ тонъ; это уже, по мнѣнію командира,—не порядокъ. Служилъ полковой о. Протоіерей, награжденный кабинетскимъ крестомъ на Георгіевской лентѣ. Голосъ у о. Протоіерея громкій, ясный, отчетливый; діакона нѣтъ, псаломщическія обязанности

исполняетъ мѣстный псаломщикъ, шестопсалміе читаетъ сибирскій стрѣлокъ. „Господи Боже нашъ, сильный и крѣпкій во бранехъ, возстани въ помощь нашу, пріими орудіе крѣпости твоя“—эти слова молитвы звучать тамъ, среди войскъ, какъ-то особенно; осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ вся церковь, какъ одинъ человѣкъ, слышатся задержанные глубокіе вздохи. Слова моленій на ектеініи о дарованіи побѣды надъ врагомъ христіюлюбивому воинству прямо ложатся на сердце, — питаютъ въ душѣ увѣренность въ побѣдѣ; лица въ сѣрыхъ шинеляхъ при этихъ словахъ какъ-то просвѣтляются. Здѣсь особеннымъ образомъ переживаешь чувство молитвы—и пріятно даже вспомнить эти переживанія.

Литургію на слѣдующій воскресный день—20 декабря служили втроемъ—я, о. Федоръ и о. Андрей Я., священникъ N полка, расположеннаго въ резервѣ рядомъ съ сибирскими стрѣлками. При трехъ священникахъ, діакона не было, такъ что наше соборное служеніе выходило необычнымъ. И ектеініи, и возгласы говорили поочередно. Къ самому началу службы прибылъ командиръ полка и офицеры, храмъ снова переполненъ. Поютъ еще съ большимъ усердіемъ и проникновеніемъ, чѣмъ вчера за всенощной. Прочитано евангеліе—первое зачало Св. Матѳея—книга родства Господа Иисуса Христа. Это евангельское чтеніе дало намъ отправную точку для назиданія въ концѣ литургіи.

Евангельское чтеніе предпраздничнаго дня, приближая къ нашему сознанію событія великаго праздника—рожденія Христа Спасителя—говоритъ о нашемъ родствѣ со Спасителемъ Богомъ. Всякое родство, какъ и всякая близость, особенно по духу близость—налагаетъ извѣстнаго рода обязанности. Родство грѣшнаго человѣка съ чистѣйшимъ Богомъ требуетъ отъ насъ особой чистоты и святости, налагаетъ на насъ обязанности идти по стопамъ Христа во всемъ, пріобрѣтатъ тѣ свойства духовныя и добродѣтели, образецъ коихъ далъ намъ Самъ Христосъ, родившійся для спасенія человѣка.

Онъ „кротокъ и смиренъ сердцемъ“ во дни своей земной жизни,—не таковъ ли и нашъ великій русскій народъ-богоносець? Не таковъ ли въ сущности и родной сынъ нашего

народа христілюбивый воинъ русскій, каковымъ онъ показалъ себя міру въ нынѣшнюю войну? Не говоримъ уже про чудеса мужества, про героизмъ, проявленный нашимъ офицеромъ и нижнимъ чиномъ Міръ пораженъ мягкостью, человѣчностью русскаго воина: грозный на полѣ брани—нашъ воинъ великодушень, готовъ подѣлиться послѣднимъ съ своимъ недавнимъ врагомъ, когда тотъ ранень и плѣнень. Это извѣстно всему міру; извѣстны русское смиреніе и кротость. Но что обѣщано кроткимъ отъ Спасителя? Они наслѣдятъ землю—ихъ наслѣдіемъ, ихъ владѣніемъ должна быть вселенная, и къ этому торжеству идетъ кроткій русскій народъ чрезъ нынѣшнюю великую, европейскую войну, къ этой побѣдѣ надъ міромъ идемъ мы крестнымъ путемъ, къ этому ведутъ насъ неисповѣдимые пути Господни.

Обращаясь къ земной жизни Спасителя, обозрѣвая ее всю отъ колыбели въ ясляхъ до страшной Голгофы, мы видимъ, что Иисусъ Христосъ перенесъ всѣ виды человѣческихъ скорбей и уничиженія. И, какъ Богъ всесильный и всемогущій, Онъ призвалъ къ Себѣ, въ Свои объятія страждущихъ и обремененныхъ. Придите ко Миѣ, сказалъ Спаситель, вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою васъ. Много теперь труждающихся и обремененныхъ въ нашемъ Отецествѣ. Много скорбей и трудовъ несутъ теперь вѣрные сыны и дщери Церкви православной на святой Руси. Но наибольшіе труды, труды ни съ чѣмъ несравнимые, приняли за весь народъ вы, христілюбивые воины, здѣсь на передовыхъ позиціяхъ, передъ лицомъ жестокаго врага, отстаивающіе честь и достоинство святой Руси. Церковь, а за нею и весь православный народъ считаетъ васъ страсготерпцами, — подвигъ вашъ уподобляетъ подвигу мучениковъ. Они проливали кровь свою за вѣру, за Христа, вы, православные христілюбцы, души свои полагаете во славу Христа, за други своя, за свои семьи, за отчизну, вы проявляете высшую степень любви Христовой. Ваша жизнь въ окопахъ на передовыхъ позиціяхъ, въ сырыхъ землянкахъ, когда вы стоите въ резервѣ, особенно въ зимнюю, студеную пору—есть тяжелый и суровый подвигъ, которому достойно уподобить полное лишеній подвижничество первыхъ пустынниковъ христіанскихъ

или даже такого великаго русскаго отшельника, каковымъ былъ Сергій Радонежскій.

О боевыхъ же подвигахъ славныхъ сибирскихъ полковъ знаетъ вся Россія, и я не считаю неудобнымъ напомнить, хотя кратко, о нихъ съ этого святаго мѣста. Продолжителенъ и утомителенъ былъ путь сибирскихъ стрѣлковъ отъ Амура и Уссури до Варшавы осенью минувшаго года. Минувшая встрѣчавшіяся поѣзда-„молніи“, залитые электрическимъ свѣтомъ, сибирскіе стрѣлки прибыли къ Варшавѣ какъ разъ въ ту пору, когда нѣмцы готовы были овладѣть столицей русской Польшы. И отстояли стрѣлки красавицу Варшаву въ октябрѣ минувшаго года. Этотъ міровой подвигъ вашихъ полковъ отчетливо знаетъ теперь вся Россія. Знаетъ она, что много было въ ту пору и потерь среди стрѣлковъ,—но вѣдь безъ потерь побѣды не бываетъ. Низкій вамъ поклонъ за этотъ подвигъ. Умиленъ этимъ подвигомъ и нашъ Смоленскій край; на улицахъ нашего города намъ приходилось слышать удалую, грозную пѣсню сибирскихъ стрѣлковъ; преклоняется русскій человѣкъ предъ этимъ вашимъ подвигомъ и молитвенно желаетъ Вамъ новыхъ и многихъ подобныхъ успѣховъ въ ратномъ полѣ. Не забудетъ васъ, сибирскіе стрѣлки, родина и Церковь ни своими заботами, ни своими горячими молитвами. Таково приблизительно было содержаніе проповѣди, обращенной въ Покровскомъ храмѣ деревни О... къ славнымъ сибирскимъ полкамъ. За литургіей по мѣсту расположенія полка вспоминали Архіепископа Тихона, и по принятому у воинскихъ частей порядку, Протопресвитера Георгія. Послѣ литургіи горячо молились особымъ молебнымъ пѣніемъ о дарованіи побѣды русскому воинству; грозно и торжественно звучалъ нашъ церковный гимнъ: „Тебе Бога хвалимъ“ и слѣдовавшія за нимъ многолѣтія. Пѣвцы изъ сибирскихъ стрѣлковъ удовлетворили на этотъ разъ даже своего требовательнаго командира.

На площадкѣ-пригоркѣ предъ храмомъ послѣ церковной службы состоялась самая раздача Смоленскихъ подарковъ сибирскимъ стрѣлкамъ. Съ трехъ сторонъ у разложенныхъ подарковъ въ строю стояли молодцы стрѣлки; здѣсь же у подарковъ были командиръ и офицеры полка. Въ пе-

реднемъ ряду стрѣлковъ, направо отъ храма, мы увидѣли очень много георгіевскихъ крестовъ, украшавшихъ грудь героевъ сибиряковъ. Когда наступила полная тишина, по приглашенію съ командиромъ полка, мной прочитано было слѣдующее воззваніе отъ нашего Владыки и Комитета:

Возлюбленнымъ о Христвъ братьямъ-воинамъ.

Уже второй разъ судилъ Господь встрѣчать вамъ великій праздникъ Рождества Христова въ окопахъ, на передовыхъ позиціяхъ, отстаивая своею грудью родную землю отъ сильнаго, коварнаго врага.

Много еще трудовъ и ратныхъ подвиговъ придется вамъ понести на этомъ славномъ поприщѣ. Глубоко все это чувствуемъ мы, спокойно живущіе за вами, понимаемъ и высоко цѣнимъ. Мы ясно себѣ представляемъ, что въ то время, когда у насъ, въ нашихъ храмахъ, на праздникахъ будетъ особенно торжественное богослуженіе, а въ домахъ уютно, свѣтло и радостно, — вы, христілюбивые воины, проводите дни и ночи въ холодныхъ, занесенныхъ снѣгомъ окопахъ, или сырыхъ землянкахъ, на стужѣ, на вѣтрѣ, во мракѣ, гдѣ вмѣсто праздничныхъ пѣснопѣній царить свистъ смертоносныхъ снарядовъ да стоны раненыхъ.

Все это вы терпѣливо переносите поистинѣ изъ-за самоотверженной любви къ родинѣ; не страшитъ васъ и самая смерть. И эта горячая любовь, сіяя яркимъ пламенемъ въ вашихъ сердцахъ, находитъ горячій откликъ и въ нашихъ сердцахъ. По мѣрѣ своихъ силъ мы хотимъ обрадовать васъ своимъ сердечнымъ праздничнымъ привѣтомъ. Своими скромными подарками къ празднику мы хотимъ сказать вамъ, дорогие защитники Святой Руси, что это звено любви, объединяющей насъ съ вами, не должно ослабнуть никогда, ни при какихъ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ. Любовь наша да волеетъ въ васъ новыя силы на борьбу съ врагомъ, а въ насъ да вселитъ надежду на полное, окончателное торжество русскаго праваго дѣла.

И глухіе поселки, занесенные сейчасъ снѣгомъ, и церкви, и монастыри, и церковныя школы, и родной вамъ деревен-

скій людъ, и города Смоленскаго края—всѣ вмѣстѣ несутъ вамъ единой душой и единымъ сердцемъ свой горячій праздничный привѣтъ и эти подарки—выраженіе братской любви.

Стойте же крѣпко, дорогіе братья, за нашу вѣру, за нашего Царя и за наше Отечество.

Благодать вамъ и миръ отъ Господа нашего Исуса Христа, благоволившаго даровать намъ вѣчное спасеніе своимъ рожденіемъ на землѣ и явленіемъ въ міръ.

Феодосій, Епископъ Смоленскій и Дорогобужскій.

По прочтеніи воззванія, изъ ряда героевъ вправо выходитъ молодець-фельдфебель съ четырьмя Георгіями на груди. Съ разрѣшенія командира онъ говоритъ сердечное слово благодарности. „Такъ что, отецъ Архимандритъ, примите отъ насъ всѣхъ сибирскихъ стрѣлковъ чувствительную благодарность за привезенные подарки, за ваше слово и за молитвы. Благодарите отъ насъ—стрѣлковъ и всѣхъ тѣхъ, кто прислалъ намъ подарки за ихъ любовь и за память; знать, насъ родные не забыли своихъ къ великому празднику. Еще разъ приносимъ вамъ благодарность“.

Съ краткой и картинной рѣчью выступилъ генераль Я. командиръ полка. „Везите отъ насъ, о. ректоръ, благодарность благостному Владыкѣ Феодосію, всѣмъ членамъ Комитета Смоленскаго, А. Н. Алексѣевой. Не впервые уже сибирскіе стрѣлки пользуются вниманіемъ и получаютъ подарки изъ Смоленска. Скажите тамъ въ Смоленскѣ всѣмъ, кому можете, что наши полки, не смотря на всѣ выдумки и хитрости врага—побѣдятъ нѣмца, что постоятъ за Россію сибирскіе стрѣлки“. Картину раздачи подарковъ по частямъ полковой фотографъ Г. снялъ тутъ же у храма. Отдѣльные тюки съ подарками получали представители отъ ротъ и частей. Особенно любовались—да и было чему любоваться—выстроенными гармониками и бубномъ; выглянувшее солнышко заставило ихъ блестятъ. При раздачѣ подарковъ мнѣ пришлось видѣть дѣйствительно счастливыхъ людей, забывшихъ горести и лишенія походной жизни. Раскрылась при этомъ одна поразительная черта русскаго человѣка—полное

забвеніе своихъ нуждъ. Радость выражалась не за доставшуюся полезную, необходимую вещь, а именно за память, за любовь и вниманіе, идущія отъ родныхъ мѣстъ.

Раздача подарковъ все еще происходила, какъ подали намъ пару сѣрыхъ командира. Едва только я успѣлся, какъ, по приглашенію командира, провозгласившаго о. ректору „ура“ за то, что онъ взялъ на себя трудъ доставить намъ подарки, изъ тысячи устъ грянуло такое могучее, долго не смолкавшее „ура“, что будь вблизи нѣмцы, они попятились бы отъ страха или подумали бы, что на фронтъ пріѣхалъ какой то большой военный чинъ, по меньшей мѣрѣ, командующій арміей.

Послѣ „ура“, проѣзжая мимо рядовъ стрѣлковъ, я успѣлъ еще разъ пожелать имъ успѣха, здоровья и побѣды надъ нѣмцемъ и просилъ ихъ написать намъ въ г. Смоленскъ, съ какимъ чувствомъ приняты ими наши праздничные подарки. Въ кисетахъ на открыткахъ указаны адреса или вложены визитныя карточки, — по этимъ адресамъ и пишите въ Смоленскъ. Былъ уже въ началѣ третій часъ дня; день кончался, когда послѣ раздачи подарковъ мы всѣ вернулись въ Ст. и расположились въ комнатѣ собранія. Комната приняла праздничный видъ: двѣ кровати были убраны, стало свѣтлѣе какъ будто и просторнѣе. Это безъ насъ здѣсь старался полковой хлѣбодаръ В. В. К...; на столѣ были самыя невинныя напитки, и это дало намъ поводъ къ званію хлѣбодара для В. В. присоединить званіе виночерпія.

Съ разрѣшенія Командира полка, за столомъ мной отъ лица Смолянъ сказана была рѣчь-привѣтъ и офицерскому составу полка. Про путь сибирскихъ стрѣлковъ отъ Амура до Варшавы,—какъ бы продолжая свою церковную рѣчь,—знаетъ вся Россія. Шли стрѣлки со своими офицерами съ крайняго русскаго Востока, таинственнаго, сказала я загадочнаго-на крайній русскій западъ на выручку Варшавы. Это было въ августѣ-сентябрѣ четырнадцатаго года. Съ верховьевъ Амура, съ рубежа Манчжурскихъ степей каждый день отходили тогда на западъ длинныя поѣзда съ сибирскими стрѣлками. Темными осенними ночами шли эти поѣзда въ безмолвіи, безъ свистковъ, почти безъ огней. Попадались имъ навстрѣ-

чу залитые электрическимъ свѣтомъ поѣзда-„молніи“, сверкающіе и роскошные, какъ сама Европа,—и почтительно сворачивали, становились на запасные пути, чтобы дать дорогу сибирскимъ стрѣлкамъ, ѣхавшимъ умирать за Россію.

Перешагнули Уралъ. Далеко позади остался онъ, изрытый рудниками, дымящійся трубами безконечныхъ заводовъ. Въ рамѣ грохочущаго моста улыбнулась стрѣлкамъ красавица Волга и скрылась за лѣсистыми холмами. Но вотъ сибирскіе стрѣлки почти у цѣли,—недалеко и столица русской Польши. Повсюду кругомъ они видятъ царство разрушенія. Разоренныя деревни, груды отъ пожарищъ. Дороги кишатъ толпами бѣженцевъ, которые бредутъ, сами не зная куда. Все это настраиваетъ сибирскихъ стрѣлковъ.

Покинувъ свои поѣзда, стрѣлки на улицахъ Варшавы выстраиваются для похода, и столица, которую нужно спасти, принимаетъ ихъ въ свои нѣдра. Стрѣлки идутъ мѣрнымъ шагомъ впередъ къ своей цѣли по невѣдомому имъ городу, прекрасному, изнѣженному, почти веселому. Поступь ихъ тверда, лица спокойны и непроницаемы. Безконечнымъ потокомъ сѣрыхъ шинелей и штыковъ властно разрѣжаютъ стрѣлки живую стѣну толпы, запрудившей площади и улицы Варшавы.

Сибирскіе стрѣлки въ ней какъ разъ во время. Весь воздухъ стонетъ и дрожитъ отъ рева орудій... Пустое,—говорятъ стрѣлки:—мы слышали, какъ сердится тайга, въ которой не найти ни начала, ни конца, не страшенъ намъ жалобный вой шрапнели. Скорѣе бы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ врагомъ...

Нѣмцы не заставили долго ожидать; они выходятъ изъ окоповъ, имъ данъ приказъ во что бы то ни стало взять Варшаву. Битва разгорается. Неудержимой лавиной катятся впередъ сплошные, кажется, безконечные ряды нѣмцевъ. Но каждый разъ нѣмецкій натискъ разбивается о гранитную стѣну защитниковъ Варшавы, готовыхъ умереть, но не отступить. Бокъ о бокъ сражаются храбрые, порывистые поляки и хитрые, настойчивые хохлы, помнящіе боевые завѣты своихъ предковъ-запорожцевъ. Вся Россія сплотилась въ тѣ дни у стѣнъ Варшавы въ дружную могучую семью...

Но въ ту самую минуту, когда нѣмцамъ казалось, что сопротивление русскихъ сломлено—сѣрые ряды русскихъ разступаются; въ битву бросились сибирскіе стрѣлки. Могучее „ура“ прокатывается громко по рядамъ. Сибирскіе стрѣлки не знаютъ предательской каиновой дымовой завѣсы. Въ ихъ рукахъ штыкъ съ винтовкой, на сердцѣ—Богъ и родина, а на устахъ грозная пѣсня, покрывающая и пересиливающая ревъ бури на Байкалѣ. И предъ звуками этой пѣсни смолкаютъ и залпы, и отдѣльные возгласы. Нѣмцы поражены и удивлены. Они слышатъ, но ничего не понимаютъ. Они впервые видятъ врага, идущаго умирать съ пѣсней, да еще съ какой? Съ могучей, стихійной пѣсней. Изумленіе нѣмцевъ растетъ, переходитъ въ испугъ, въ смятеніе и, наконецъ, въ панику. Нѣмцы не выдержали. Ихъ мозгъ, работающій съ точностью и ограниченностью заведенной машины, не можетъ понять того, что происходитъ предъ ихъ глазами. Въ странныхъ врагахъ, поющихъ весело и грозно предъ лицомъ смерти, нѣмцы отказываются видѣть людей. Дрожь, словно электрическая искра, пробѣгаетъ по сомкнутымъ рядамъ пруссаковъ, саксонцевъ и баварцевъ. Въ ихъ рядахъ происходитъ замѣшательство, и съ дикимъ воемъ пойманнаго звѣря они поворачиваютъ назадъ, натыкаясь на свои же штыки.

А сзади вливаются въ битву все новые и новые потоки сибирскихъ стрѣлковъ. Молча и сосредоточенно они гонятъ передъ собой обезумѣвшихъ нѣмцевъ, упорство которыхъ было сломлено у стѣнъ Варшавы сразу и безвозвратно. Такъ въ самомъ началѣ октября 1914 года была выиграна вашими полками битва подъ Варшавой. Знаетъ это весь читающій міръ, цѣнитъ этотъ Вашъ подвигъ православная Русь. Знаетъ, что духъ непобѣдимости воспитали въ сердцахъ сибирскихъ стрѣлковъ доблестные офицеры этихъ полковъ. Низкій поклонъ Вамъ, господа офицеры, вмѣстѣ съ боевымъ командиромъ Вашимъ отъ земли Смоленской и отъ Смоленскаго Комитета въ частности. Комитетъ наготовилъ подарки нижнимъ чинамъ Вашего полка, какъ знакъ своей признательности и вниманія къ празднику. Достаточно обезпеченные всѣмъ необходимымъ, Вы не имѣете нужды ни въ чемъ. Примите же лично отъ меня вотъ эти книжки о Богѣ „Див-

номъ во святыхъ своихъ“ и для нашей общей трапезы вяземскую сладкую коврижку.

Принявъ коврижку, командиръ полка въ теплыхъ выраженіяхъ благодарилъ Смоленскъ за вниманіе и ласку, выяснивъ при этомъ, что стойкость сибирскихъ стрѣлковъ вырабатывается при особыхъ условіяхъ жизни въ Сибири, о коихъ мы, жители Европейской Россіи, имѣемъ не всегда правильное понятіе. И знаете, о. ректоръ, что всѣ мы послѣ побѣдоноснаго конца войны—стремимся всѣмъ сердцемъ и душой туда, „домой“, къ себѣ въ Уссурійскій край. А распросите каждого изъ насъ о мѣстѣ рожденія и воспитанія,—вы узнаете, что мы всѣ вышли изъ коренной Россіи. Сибирь, какъ мы имѣли возможность убѣдиться, край богатый, привѣтливый, свободный, край безграничныхъ возможностей.

Въ этомъ же тонѣ и духѣ шла у насъ за столомъ беседа; въ ней приняли участіе всѣ присутствующіе. Велась она просто, непринужденно, съ полной искренностью. Черниговецъ родомъ, о. протоіерей полка тоже мечтаетъ о милой Сибири, о тѣхъ дняхъ, когда послѣ побѣднаго конца онъ отправится съ полкомъ на полноводный Амуръ.

Какъ пріятно было слышать вдохновенную рѣчь командира полка о свѣтлой будущности Россіи, о томъ, что Сибири въ этомъ будущемъ предстоитъ несомнѣнная великая роль,—что до сихъ поръ этой великой окраинѣ посвящали немного вниманія, что это страна великаго будущаго. И въ словахъ генерала чувствовалась его вѣра и любовь ко второй его родинѣ Сибири,—холодной, но привѣтливой, мало намъ знакомой странѣ, давшей намъ неподобныхъ героевъ, сибирскихъ стрѣлковъ, которые залили своею кровью и Польшу, и Прибалтійскій край, и не отдали еще ни одной пяди земли безъ приказа.

Вечеромъ въ тотъ же день со своимъ спутникомъ—студентомъ мы выѣхали въ обратный путь. Изъ штаба дивизіи командиръ спросилъ автомобиль. Ѣхать до станціи С.... надо верстъ 30—35 чрезъ мѣстечко Гл..., гдѣ въ концѣ августа совершенъ былъ извѣстный прорывъ нѣмецкой кавалеріи. Спутниками до станціи были—Петроградскій педагогъ Б. А. Донченко и студентъ медикъ Саратовскаго Университета Д.

Войничъ, — оба работаютъ по Красному Кресту и въ одинъ голосъ отмѣчаютъ отличное настроеніе арміи на позиціяхъ.

Простились сердечно съ командиромъ и офицерами полка и ровно въ полночь усѣлись въ автомобиль. Сначала все шло хорошо. Но уже черезъ полчаса пути надо было шоферу устанавливать и налаживать фонари; они почему то погасли. Дуль сильный вѣтеръ въ открытомъ полѣ, и только теперь пригодились тѣ запасы теплаго платья, что взяты были изъ Смоленска. Этимъ однако наши испытанія путевыя не окончились. По дорогѣ много снѣга; метели настоящей не было, но была такъ называемая „подземка“; при небольшихъ спускахъ и подъемахъ дорогу занесло снѣгомъ довольно глубоко. Машина не разъ останавливалась. Но нашими общими усиліями автомобиль удавалось тронуть съ мѣста, и мы благополучно ѣхали дальше. Проѣхали въ глухую ночную пору и мѣстечко Гл...; сѣрыя постройки занесены снѣгомъ; на окраинѣ заводъ; прежде на немъ изготовляли спиртъ. Оставалось до станціи не больше десяти верстъ. Минули небольшой лѣсокъ. Вскорѣ на подъемѣ за нимъ автомобиль нашъ сталъ, и на этотъ разъ настолько прочно, что никакими усиліями намъ не удавалось сдвинуть его съ мѣста. Напрасно мы привлекали къ помощи двухъ ѣхавшихъ верхомъ нижнихъ чиновъ; и шестеромъ мы ничего не могли подѣлать съ автомобилемъ. Общимъ совѣтомъ рѣшили, что спутники — работники по Красному Кресту — отправляются на станцію, откуда доставляютъ черезъ В. М. Б. нѣсколько стрѣлковъ, а я съ сыномъ студентомъ остаюсь на автомобилѣ хранить вещи и ожидать возвращенія нашихъ попутчиковъ. Проходитъ часъ ожиданія, беретъ насъ раздумье. Вспоминается, что поѣздъ со станціи С... долженъ отойти въ 4 часа утра, — до его отхода остается всего два часа. Предстоитъ въ перспективѣ — не попасть на этотъ поѣздъ, ожидать слѣдующаго, а, можетъ быть, и слѣдующаго утра. Эти мысли поддерживаютъ и шоферъ, отмѣчая, какъ неисправно ходятъ поѣзда, иногда на много часовъ запаздывающіе. Тревожныя мысли усиливаются. Въ это время мимо по дорогѣ ѣдетъ двое саней безъ клади. Справляемся, куда направляютъ свой путь. Оказывается, ѣдутъ на станцію за подарками въ обозную

часть N полка; жена начальника обоза присылаетъ подарки, собранные ею въ Москвѣ. На предложеніе наше взять насъ до станціи,—обозный изъ запасныхъ Бѣжецкаго уѣзда проявляетъ готовность выручить насъ. Простились радушно съ шоферомъ, усѣлись въ санки, уложили свои вещи и къ половинѣ пятаго были на станціи. Къ счастью нашему, поѣздъ запоздалъ, и только въ шесть часовъ мы выѣхали на П.... Успѣли къ поѣзду и оставленные нами спутники. Они отправились на огонекъ, свѣтившій въ сторонѣ отъ дороги, попали въ небольшую воинскую часть, достали лошадей и нѣсколько нижнихъ чиновъ и выручили изъ сугроба дивизіонный автомобиль. Однако еще два раза автомобиль снова загружалъ, послѣдній разъ совсѣмъ вблизи у вокзала.

Нѣтъ нужды описывать обратный желѣзнодорожный путь; онъ совершенъ нами при большой тѣснотѣ; особыхъ удобствъ мы и не ожидали,—слишкомъ усиленное было движеніе предъ праздниками. Отмѣтить надо одну пріятную встрѣчу. Уже на пути отъ В.... на одной изъ станціи встрѣтили мы на открытыхъ вагонахъ-платформахъ бронированные автомобили. Всѣ они—чистенькіе, новенькіе. Ихъ направляли въ тѣ войсковыя части, гдѣ по состоянію дорогъ ими вполне возможно пользоваться.

Остается сказать нѣсколько словъ о тѣхъ проявленіяхъ благодарности, что получены уже по прибытіи въ Смоленскъ. Отъ командира полка на имя Владыки поступило слѣдующее отношеніе: „Ваше Преосвященство, Глубокочтимый Владыко! Отъ лица стрѣлковъ N-го Сибирскаго стрѣлковаго полка приношу душевную признательность Вашему Преосвященству и, въ лицѣ Вашемъ, всему Епархіальному Комитету, за щедрый даръ, присланный нашимъ молодцамъ-стрѣлкамъ. Насъ тронуло до слезъ теплое отношеніе Ваше, низко кланяемся дорогимъ братьямъ Смолянамъ.

Съ твердою вѣрою въ конечный успѣхъ нашего дѣла, уповая на Господа, смиренно поручаемъ себя молитвамъ Вашимъ. Искренно преданный В. Я.... Отъ него же на мое имя поступило письмо слѣдующаго содержания: „Глубокочтимый о. Ректоръ, отъ лица стрѣлковъ ввѣреннаго мнѣ полка приношу глубокую признательность Вамъ за привезенные подар-

ки къ празднику Рождества Христова и душевно тронувшій насъ личный Вашъ прїѣздъ къ намъ.

Эти дни никогда не изглядятся въ нашей благодарной памяти. Твердо уповая на милость Божию и вѣря въ полный успѣхъ нашего дѣла, поручаемъ себя молитвамъ Вашимъ. Искренно преданный В. Я....“.

Не лишены интереса выдержки изъ нѣкоторыхъ писемъ на имя тѣхъ Смолянъ, что на открыткахъ въ кисетахъ написали свои адреса. Вотъ одна изъ нихъ, датированная 23 декабря; написана очень грамотно, мелкимъ почеркомъ. „Считаю долгомъ отъ души благодарить Васъ за присланные Вами Рождественскіе подарки, которые служатъ прямымъ доказательствомъ о Вашей заботѣ о насъ сибирякахъ. Много выбыло изъ строя молодцовъ сибиряковъ въ минувшее время войны, но пополнились ряды ихъ. Усердными молитвами Вашими и твердымъ упованіемъ на Господа одолѣемъ коварнаго врага, добавимъ на страницы исторіи новые славные подвиги и готовность каждаго изъ насъ умереть за нашу дорогую родину и вѣру православную. Поздравляемъ Васъ съ новымъ годомъ, желаемъ полного благоденствія и процвѣтанія святой обители Вашей (письмо адресовано матушкѣ Игуменіи) и просимъ сообщить исторію монастыря (желаніе исполнено)“.

Другой подробно перечисляетъ въ своемъ письмѣ, что было вложено въ доставшійся ему кисеть. Я получилъ,—пишетъ младшій унтеръ-офицеръ,—двѣ пачки папирось, одну пачку спичекъ, 15 кусковъ сахара, 15 конфетокъ, двѣ иголки, двѣ открытки, пять нитокъ и чай и хорошій кисеть; все получилъ 21 декабря; благодаримъ Васъ несчетно разъ за Ваши подарки, что Вы и насъ не забываете, объ насъ безпокоитесь.“

Не лишено интереса религіознаго письмо К. Новосада изъ музыкальной команды. Его интересуютъ глубокіе вопросы. „Отъ товарищей и отъ себя приношу Вамъ, пишетъ онъ, сердечную благодарность за подарки, и еще болѣе за память о насъ. Полтора года вдали отъ родины, семьи, матери—многихъ изъ насъ, даже самыхъ невѣрующихъ, заставили обратиться къ Богу. Отъ кого я, въ минуту грозящей мнѣ опасно-

сти, когда смерть витаетъ надо мной, могу ждаты помощи, спасенія? Отъ Бога—и только отъ Него. Онъ—единая Надежда. Онъ—Единственный, на Кого обращенъ мой взоръ, моя мысль предъ лицомъ смерти. Скажите, должно ли ненавидѣть враговъ? Я спрашиваю потому, что я къ врагамъ нѣмцамъ не чувствую ни малѣйшей жалости, ни состраданія, будь они живы или мертвы. Можетъ быть, это грѣхъ, но это такъ. Еще разъ сердечное спасибо вамъ за подарки. Намъ не такъ дороги они (хотя присланное Вами оказалось въ пору и полезнымъ многимъ, такъ какъ здѣсь и за деньги нельзя ничего достать), какъ ваше вниманіе. Мы знаемъ, что тамъ, вдали отъ насъ, есть люди, которые заботятся и помнятъ объ насъ... Помолитесь за насъ“.

Интересно еще письмо старшаго унтеръ-офицера Прищепы, извѣстнаго развѣдчика, георгіевскаго кавалера, помнится, всѣхъ четырехъ степеней. „Мы неоднократно, пишетъ онъ, проявляли свою стойкость предъ хитрымъ коварнымъ врагомъ, который забрался въ предѣлы нашей матушки Россіи. Но вѣрьте, что мы сибиряки еще стоимъ такъ, какъ въ 14 году подъ Варшавой и Равой, а въ 15 году подъ Праснышемъ, будемъ вѣрны преданности своему Верховному Вождю, дорогой родиной и вѣрны православной“.

Хочется закончить свое сообщеніе о побѣздкѣ двумя словами. У сибирскихъ стрѣлковъ мы почерпнули твердую увѣренность въ конечную нашу побѣду надъ нѣмцемъ и эту увѣренность привезли въ Смоленскъ непоколебленной.

Архим. Даміанъ.

Протоіерей Антоній Стефановичъ Савинскій.

(Къ годовщину его смерти).

20-го марта исполнится годъ, какъ сошелъ въ могилу одинъ изъ старѣйшихъ дѣятелей нашей Епархіи—Протоіерей с. Бородина, Порѣчскаго у., Антоній Стефановичъ Савинскій. Онъ былъ сыномъ бѣдныхъ и многосемейныхъ родителей: діакона с. Дубасищъ, Ельнинскаго у., Стефана Алексѣевича